

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

ПРОПУСК
С КРАСНОЙ ПЕЧАТЬЮ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Боевые бестселлеры А. Тамоникова

Александр Тамоников

Пропуск с красной печатью

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Пропуск с красной печатью / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
— (Боевые бестселлеры А. Тамоникова)

ISBN 978-5-699-89449-9

Российские специалисты разработали суперсовременное устройство, обеспечивающее высокоточное управление крылатыми ракетами. На очереди – испытания на военном полигоне. В состав комиссии, отвечающей за их организацию, входит генерал Суханов, предатель, работающий на западные спецслужбы. Через украинских посредников он продает секретную информацию американцам, после чего на российскую территорию проникает группа хорошо подготовленных диверсантов. Им удастся выкрасть несколько опытных образцов устройства. На ликвидацию банды брошена группа майора Вадима Репнина. Понимая, что у них нет выхода, головорезы оказывают спецназовцам ожесточенное сопротивление.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89449-9

© Тамоников А. А.
© Эксмо

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Пропуск с красной печатью

© Тамоников А., 2016

© Оформление. «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского
воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
(От автора)*

Глава 1

После сытного обеда, доставленного «спецбортом», как окрестили приписанную к комендатуре «Газель», вблизи блокпоста разгорелась стрельба. Ополченцы побросали сигареты, припали к амбразурам. Снова провокация. Украинские силовики, окопавшиеся за лесом, были мастера на подобные затеи. Лучше всего им удавалась имитация наступления, на которую ополченцы уже не велись, но и игнорировать не могли.

Давно отгремели реальные бои, но долгожданная «послевоенная пора» так и не наступала. За спиной был городок Майск, в котором три месяца худо-бедно налаживалась мирная жизнь. Впереди дорога, лес в заболоченной низине. В паре верст – блокпост силовиков, далее – «незалежная», а между блокпостами – клочок природы, перепаханный в прошлом минами и снарядами. Сентябрь 2015-го уверенно шагал по планете, но листва еще не осыпалась, создавала плотную желто-зеленую завесу. Из леса доносились рваные автоматные очереди, кричали люди. Это была не провокация! Кто-то бежал из леса по дороге, подволакивая ногу. Мужчина то и дело озираясь, держался за бок, из которого сочилась кровь. Одет он был довольно странно – армейские брюки, поношенный пиджак с короткими рукавами, берцы. На вид ему было лет пятьдесят – грузный, приземистый, бледное лицо лоснилось от пота. Бежать с каждым шагом становилось все труднее, мужчина задыхался. Из леса стреляли ему в спину, но пока впустую. На подставу не походило – мужчина всерьез был ранен.

– Пацаны, прикроем беднягу! – крикнул подтянутый ополченец со скуластым лицом, усеянным оспинами.

Бойцы непризнанной Донецкой республики открыли дружный огонь по лесу. Усились крики на той стороне, но стрельба затихала. Формально ополченцы первыми нарушили режим прекращения огня, но пусть докажут, что стреляли не по ним! Да и истосковались пальцы по спусковым крючкам. Мужчина бежал уже на автопилоте. В лице ни кровинки, движения заторможенные. Навстречу не выходили – этого мужика здесь никто не знал. Ополченцы тоже перестали стрелять. Молодой черноволосый паренек отложил автомат, выудил телефон и начал через амбразуру снимать беглеца на камеру.

– Коляша, ты неисправим. Шокирующие кадры с места событий? – покосился на него стоявший рядом боец.

– Вроде того, – согласился «оператор», – для будущих поколений, так сказать.

Мужчина вбежал на территорию блокпоста и рухнул на колени. Глаза его закатились, и он, повалившись лицом вниз, так и остался лежать не шевелясь. Ткань на правом боку промокла от крови.

– Упал маслом вниз, – прокомментировал «оператор», отключая телефон.

В лесу затихали крики. Люди поднимались с колен, настороженно поглядывали в сторону неприятеля. Кто-то вызывал «Скорую» из Майска. Беглеца схватили за ноги, оттащили за бетонные плиты. Мужчина не подавал признаков жизни.

– Живой? – пробормотал бородатый ополченец с зарубцевавшимся шрамом под левым глазом.

– А бог его знает, посмотри на обороте, – пошутил кто-то, нервно усмехаясь.

Ополченцы обступили лежащего, а обладатель шрама осторожно перевернул его на спину. Мужчина застонал. Все присутствующие облегченно выдохнули – достаточно насмотрелись смертей. Начали суетиться, один подложил под голову свернутый бушлат, другой побежал за аптечкой, кто-то ножом распарывал плотную материю на боку – остановить кровотечение при помощи бинта, пока не прибыли медики. Раненый застонал, начал извиваться.

– Спокойно, братан, все пучком будет... – приговаривал ополченец, зажимая рану. – Ты кто такой, человек, чего прибежал-то? И выглядишь так, будто вчера уже умер...

– Я подполковник украинской армии Крячковский... – захрипел подстреленный. – Крячковский Олег Наумович... Начальник штаба аэромобильной бригады... Я к вам... я сознательно шел к вам... Я уже больше года работаю на руководство ДНР, передаю информацию... Они вычислили меня, я пытался прорваться на машине, ее подбили, меня подстрелили, уходил лесом... Мужики, мне нужно срочно в развед-управление ДНР, у меня важная информация...

– Вообще-то в госпиталь тебе нужно, мужик... – неуверенно пробормотал ополченец.

– Важный гусь, кажется, к нам притопап, – удивленно заметил скуластый боец. – Ну-ка, мужики, сообразите волокушу из чего-нибудь, да давайте вытаскивать его поближе к дороге. Пока еще «Скорая» чесаться будет...

Но медики из райцентра прибыли быстро – станция «Скорой помощи» располагалась на западной окраине Майска, до городка было всего четыре километра. Потрепанная «Газель» с характерной раскраской уже пылила из-за леса, водитель объезжал колдобины и вздутия на проезжей части. Шофер остался в машине, высадились двое в белых халатах – безусый паренек-санитар, видимо подрабатывающий студент, и сравнительно молодая женщина-врач с темными кругами под глазами. Она устремила к раненому, расстегивая саквояж, а санитар стал извлекать из машины носилки. Информация о возможном прибытии «крупной рыбы» дошла не только до медиков. Вместе с экипажем «Скорой» прибыл подтянутый рослый мужчина с озабоченным лицом в камуфляжной форме с шевроном мятежной республики. Надраенные берцы, кобура на поясе. Он помог санитару вытащить носилки, тот стал их раскладывать, а мужчина торопливо зашагал к лежащему. Его лицо подрагивало от волнения.

– Пропустите же... – нагнулся он над беглецом и, облегченно вздохнув, мельком глянул на бойцов: – Фу, перенервничал... Это действительно подполковник Крячковский, наш агент в штабе «укропов»... Держитесь, Олег Наумович, – забормотал он, коснувшись плеча пострадавшего. – Я – капитан Разумовский из контрразведки ДНР. Мы получили информацию, что вы пытаетесь прорваться через границу, – сообщил наш человек в аэромобильной бригаде, но не знали, на каком участке границы вас ждать, людей разослали по разным точкам, везде ждут...

Раненый бессмысленно созерцал пространство, глаза его туманились, и вряд ли он понимал, что говорит капитан Разумовский. Врач поставила обез-боливающий укол и, откинув со лба мешающийся локон, стала закрывать саквояж.

– Сережа, грузите раненого, – бросила она санитару. – Мужчины, помогите кто-нибудь. Перевяжем в пути, нужно срочно в больницу, пока не началось заражение крови. – И с опаской покосилась в сторону леса, просвечивающего сквозь бетонное ограждение: – Наверное, кому-то из вас придется поехать с нами...

– Это обязательно, девушка, – кивнул капитан. – Вражеские диверсанты могут действовать и на этой стороне, а пациент ценный. Я буду сопровождать больного... Вы старший в команде? – отыскал он глазами скуластого ополченца, с интересом прислушивающегося к беседе. Тот кивнул. – Выделите двух человек, пусть сядут в салоне. Вернутся через полчаса на машине комендатуры. Шевелимся, мужики, шевелимся, этот человек не должен умереть!

– Он не умрет, не волнуйтесь, капитан, – сказала врач, смерив взглядом ладную фигуру контрразведчика. – Ранение серьезное, но важные органы не задеты, он выкарабкается.

Разложенные носилки пристроили в заднем отсеке. Изначально это была обычная «Газель». В связи с нехваткой специализированного транспорта ее оборудовали под медицинских нужды – сняли сиденья, вместо них прикрепив продольные лавки, установили капельницу со штангой, самое необходимое оборудование. Ополченцы загрузились пер-

выми, приняли носилки у Разумовского и санитаря. Капитан пристроился у дверей, поглядывал в окошко. Санитар возился с раненым, обеззараживал рану, накладывал повязку. Водитель ехал медленно, избегая тряски. Врач сидела рядом с шофером, то и дело оборачивалась – следила за больным, заодно посматривала и на капитана. А он успокоился, уже не выглядел таким взволнованным – задание выполнено, перебежчик выживет.

Машина свернула за перелесок, отдаляясь от блокпоста. Местность в этом районе была сложная – лесные массивы, плотные заросли кустарников, открытые участки пересекали глубокие овраги. Вскоре осинник остался за спиной, а впереди проселочная дорога уходила в глубь массива. До деревьев оставалось метров пятьдесят, когда капитан Разумовский вдруг напрягся и начал всматриваться в окно.

– Все в порядке, капитан? – спросил один из ополченцев.

– Да, все нормально, – бросил капитан. – Профессиональная подозрительность, знаете ли. «Укропы» в лепешку разобьются, лишь бы мы не довезли этого парня до разведуправления. Им никто не мешал подсушиться, пока мы возились с ним на блокпосту. Возможно, преувеличиваю, не такие уж они реактивные... – Он закусил губу и пристально следил за бегущим мимо окон пейзажем.

– Ты параноик, капитан. В натуре, это у тебя профессиональное... – неуверенно протянул второй боец.

Разумовский молча пожал плечами. Его беспокойство невольно передалось окружающим. Шофер завертел головой, как-то поежилась и втянула голову в плечи врач, а все ополченцы прильнули к окнам. Этим фактом капитан немедленно воспользовался. Он расстегнул верхнюю пуговицу камуфляжной куртки и вытащил небольшой пистолет. Глушитель с антибликовым покрытием уже был наведен на ствол. Оружие совершило разворот, опустился флажок предохранителя. Выстрел прозвучал негромко – словно рубильником щелкнули. Пуля пробила висок ополченцу, его отбросило к передней стенке, и он медленно сполз на пол. Второй повернулся на звук, в глазах забились паника. Он успел увидеть черную дыру глушителя, холодные глаза. Что за черт? Видение? Интервал между выстрелами был не больше трех секунд. Пуля проломила лоб, его обладатель дернулся, словно марионетка, лишившаяся кукловода, и завалился на лавку. Санитарю пуля вошла в спину, пробила сердце. Паренек упал вперед – прямо на ноги подполковника ВСУ. Тот захрипел, руки впились в раму носилок. Шевельнуться он не мог, туловище было притянато ремнями во избежание падения при тряске. Капитан двинулся вперед, перешагнув через покойника. Водитель слышал шум, но не сразу остановился – не понял, ЧТО ИМЕННО происходит. Врач тоже не сразу обернулась. Когда же повернула голову – сразу изменилась в лице. Невыразимая боль отразилась в глазах – от понимания, что ты не в силах что-то изменить.

– Мне очень жаль, мэм, – пробормотал убийца, – что мы с вами встретились при таких удручающих обстоятельствах. Ничего личного, как говорится...

Четвертый выстрел бросил женщину на приборную панель, она ударилась головой и сползла вниз. Перепуганный водитель с опозданием выжал тормоз. Машина дернулась и заглохла. Убийца не упал, заблаговременно схватился за ручку над головой. Водитель собрался выпрыгнуть из машины, но «капитан» тут же схватил его за шиворот и приставил глушитель к затылку. Мужчина средних лет, с сединой, серебрившейся на висках, сделался белым, как бумага. Он не был военным человеком, он был обычным гражданским водителем и всегда спешил, чтобы медики могли спасти чью-то жизнь.

– Спокойно, гражданин, спокойно, – вкрадчиво проговорил убийца. – Все хорошо, не надо совершать бессмысленных движений. Заводи машину и быстро уводи ее с дороги в лес. Видишь кусты – вот за них и уводи.

Водитель судорожно повернул ключ. Машину тряхнуло, она дернулась, проехала несколько метров, снова заглохла.

– Нет, дружок, так у нас с тобой ничего не выйдет. Слово «быстро» означает медленно, но без остановок. Будем тренироваться. Давай еще разок.

– Вы и... меня? – прошептал водитель.

– Посмотрим на твоё поведение, – уклончиво отозвался «капитан». – Поехали.

Руки водителя тряслись, как с жесткого похмелья. Пот заливал скукожившееся лицо. Ребро глушителя продолжало продавливать череп. Машина завелась и, съехав с дороги, смяла стелющийся кустарник, погрузившись в покатую ложбину, заросшую травой. Там водитель и выжал тормоз, среагировав на соответствующую команду. Его затрясло еще сильнее, зуб на зуб не попадал. Убийца выжидал, склонив голову, – ему интересно было взглянуть в глаза человеку, понимающему, что пришел его час.

– Все хорошо, приятель? – ласково спросил Разумовский. – Нормально дела идут?

– Да, хорошо... – отрывисто кивнул водитель. – Пожалуйста... подождите... – Он сделал прерывистый вздох.

Убийца пожал плечами. Подождать? А смысл? Перед смертью не надышишься. Он нажал на курок и выстрелил, машинально подавшись назад. Качество работы можно не проверять, оно всегда на уровне. Самое же занятное он оставил «на десерт». Раненый, привязанный к носилкам, издавал нечленораздельные звуки. Свежая повязка промокла от крови. Мужчина был в сознании, он все видел и все понимал. Убийца обернулся, хищно осклабился. Неторопливо приблизился, перешагнув через мертвое тело.

– Кто вы? – прохрипел раненый.

– Не имеет значения, Олег Наумович. В этих местах меня знают как капитана Разумовского. Персонаж, безусловно, вымышленный. Обойдемся без представлений. И без нотаций с нравоучениями. Вы сами выбрали такой путь, и лишь по вашей милости в этой «Газели» погибли пятеро. Примите, кстати, похвалу – вам почти удалась ваша авантюра.

Он приставил глушитель ко лбу приговоренного. Подполковник выгнул спину и вдруг расслабился, приняв происходящее как неизбежность. Выстрел поставил точку в затянувшейся кровавой драме. Убийца удовлетворенно кивнул, еще раз оглядел салон «Газели», залитый кровью, и вышел из машины через заднюю дверь. На воздухе было лучше, чем внутри. Чирикающая, перелетавшая с ветки на ветку мелкая пичужка. Машину с мертвецами от дороги заслонял кособок, заросший, словно щетиной, молодым кустарником. «Капитан» никогда не носил фамилию Разумовский. Придумал полчаса назад – после того как зарыл под кустом маскировочное одеяние, а предыдущего обладателя щеголеватой униформы сбросил в ближайший овраг. А до этого перехватил долгожданный сигнал по рации: сбежавший подполковник Крячковский прорывается через лес к блокпосту у Майска, его преследуют, но двурушник, предавший родину, в отчаянном рывке может уйти.

На самом деле это был майор Гальский Виктор Михайлович, командир особой диверсионной группы «Оцелот» – боевого звена Отдела специальных мероприятий, запряженного в недрах структур СБУ и отнюдь не разрекламированного. Группа, срочно брошенная на поиски предателя, осталась в лесах на линии разграничения. Каждый шел своим путем, а все вместе охватывали приличный участок местности... Гальский взглянул на часы и отстегнул от пояса рацию:

– Молочник, это Терминатор. У вас все в порядке?

– Все тихо, Терминатор, – отозвался заместитель командира группы капитан Тарас Бредун. – Объект не выявлен.

– Объект удален, – сообщил Гальский. – Нахожусь в километре от западной окраины Майска. Где вы можете меня забрать?

– Отлично, Терминатор! – воскликнул заместитель. – Черт, это далеко... – Бредун лихо радочно оценивал расстояние. – Опасность есть?

– Пока не вижу.

– Транспорт?

– Разве что «Летучий Голландец»... – Гальский не сдержал язвительной ухмылки, покосившись на машину с жутковатым содержимым.

– Сойдет и «Летучий Голландец». На север через Барсучью балку есть лесная дорога, начинается за околицей хутора Лебяжьего. Вы должны знать карту, Терминатор. Мы не можем вас забрать – давайте вы к нам. На опушке увидите заброшенное фермерское хозяйство. Ориентир – две силосные башни. До леса, которым мы пройдем к своим, шестьсот метров. На опушке и оставим вашего «голландца» – пусть гадают, откуда он взялся. Счастливой поездки, Терминатор!

Тащиться пешком в такую даль – действительно глупость. Гальский обогнул машину, распахнул дверцу с водительской стороны. Безжизненное тело шофера вывалилось наружу. Он брезгливо поморщился, поднял сиденье, извлек из-под него ворох тряпок, стер кровь с руля, рычага передач, с матерчатой обшивки сиденья и, запрыгнув за руль, завел машину. Покосился на мертвую женщину, сползшую на пол. Обернулся – сзади еще четверо в разнообразных позах. Приятная компания подобралась.

– Ну что, покойнички, полетели? – проговорил майор СБУ, отжимая сцепление. – Ни гвоздя, ни жезла, как говорится...

Глава 2

Загорать на крыше в этот солнечный сентябрьский день было неудобно. Осень не спешила прогонять лето, напоминала о своем приходе лишь прохладными ночами. В дневное время было тепло, временами даже жарко. Ладно бы, в шезлонге у бассейна, в плавках, с бутылочкой «Шпатена» и фигуристой блондинкой под боком. Но при полном спецназовском облачении, при оружии и полном боекомплекте – это сурово. Майор спецназа Вадим Репнин пошевелил плечами – спина была мокрая, одежда прилипла, словно кожу намазали клеем. Он подтянулся к кирпичному бортику. Верхний кирпич был выбит, поэтому образовалась неплохая амбразура для слежения за неприятелем.

Территория бывшего автохозяйства выглядела заброшенной. Возможно, у него были хозяева – территорию несколько лет назад обнесли бетонным забором, но что-то, видимо, не срослось, потому что строительной активности не наблюдалось. Люди здесь почти не бывали, все ликвидное оборудование давно вывезли или растащили. До шоссе – далеко, до населенных пунктов еще дальше. Безлюдная зона в шести километрах от дороги, связывающей подмосковные Некрасовку и Лесогорск. В окружающем пространстве имелось несколько свалок, глинистые пустыри, овраги. До леса по прямой – метров четыреста, оттуда к автохозяйству вела дорога, но, судя по обилию чертополоха, пользовались ею нечасто. Впрочем, имелись и другие подъезды к территории – это спецназ уже выяснил.

Вадим покосился вправо. Капитан Максим Рудницкий распластался по соседству, его загорелое скуластое лицо было невозмутимым, как у сфинкса. Слева пристроился прапорщик Жилин – худой, остроносый, осунувшийся после памятного ранения в ногу на трассе «Дон». Нога еще не зажила, и Жилин усердно старался делать вид, что не хромот. Продолжать лечение он решительно отказывался, отшучиваясь при этом: «Нога болит не просто, а за Родину». Госпиталь Жилин покинул три недели назад (к большому облегчению медицинского персонала). «Хромоножка ты наша, – хмыкал Максим Рудницкий. – Ладно, хромай в арьергарде, будешь оруженосцем». Остальные члены группы рассредоточились внизу. Прапорщик Капралов и лейтенант Балабанюк обошли цех, к которому было приковано внимание, и в данный момент изыскивали способы проникновения в здание с «заднего крыльца». Гриша Амбарцумян бродил по окрестностям, притворяясь бомжом. Последние минуты он на связь не выходил – видимо, вжился в роль.

Между гаражом и пустующим зданием мастерских простирался двор шириной метров пятьдесят. Он был завален мусором – ржавым металлоломом, обрывками пленки, битыми кирпичами. Груда раскисших коробок под стеной гаража – хорошая «приступочка», чтобы не разбить ноги, когда прозвучит сигнал к штурму. Больше ничего интересного, кроме проржавевшего остова автофургона, за которым можно найти дополнительное укрытие, и исправного микроавтобуса, застывшего у крыльца. Интересующая спецназовцев «группа товарищей» находилась в цехе. Десять минут назад все шестеро прибыли на этом микроавтобусе и скрылись в здании. Один остался за оградой «на стреме», с ним должен был разобраться Гриша. Люди в здании не шумели, лишь изредка оттуда доносились невнятные стуки и обрывки речи. Такое впечатление, что вскрывали полы. В темном проеме что-то шевельнулось. Лопухами преступники не были – оставили на входе еще одного. Именно этот факт все портил – он успеет открыть огонь, возможны потери, которые в корне неприемлемы. В Управлении по борьбе с террором прекрасно знали, что самое нелюбимое число майора Репнина – «200». Поэтому ждали, набирались терпения.

– Командир, я могу бесшумно пробить колеса минивэна, – пробормотал Жилин, – тогда они точно никуда не денутся.

– Не надо, все равно будет шум, – отозвался Вадим. – Плохие мальчики никуда не денутся. Будь готов это сделать, но пока жди.

Как-то тихо стало в округе. Стих ветерок, порывы которого теребили оторвавшиеся листы жести. Легкое облачко, похожее на дырявое одеяло, заслонило солнце – хоть какое-то облегчение. Из-под ржавого фургона вылезла ободранная черная кошка с гнойными болячками на глазах, осмотрелась, засемила к минивэну и, забравшись под него, затаилась. Животное охотилось – раздался писк, что-то серое, хвостатое выскочило из-под колес с обратной стороны, метнулось к зданию, свалилось в ямку под фундаментом. Туда же кинулась кошка, не собирающаяся мириться с поражением, нырнула носом в ямку, заскребла когтями.

– Красавица, – вздохнул Рудницкий. – Не жизнь, а страна вечной охоты. Между прочим, символ плодородия в Древнем Египте.

– Крыса, что ли? – не понял Жилин.

– Сам ты крыса, – хмыкнул Максим, – кошка, конечно. Их в Египте было как муравьев в муравейнике – и все в авторитете...

В дверном проеме что-то завозилось, на шум высунулся чернявый мужчина с автоматом. Возникла прекрасная возможность пробить ему лоб, но спецназовцы не спешили. Мужчина глянул по сторонам, шикнул на кошку, скребущую всеми четырьмя конечностями. Животное огрызнулось, неохотно удалилось. Небритая физиономия, плюнув ей вслед, скрылась и что-то бросила сообщникам, колдующим в здании, – ложная тревога, дескать.

– Вот черт... – просипел в переговорное устройство Вова Балабанюк. – Набросали тут разных капканов – ни пройти, ни проехать....

– Что там у вас? – напрягся Вадим.

– Балабанюк неудачно сел, – ровным голосом отозвался Капралов. – Молодец, Владимир, пять баллов.

– По шкале Рихтера, – проворчал Репнин. – Вы бы потише там шумели, что ли? Не на прогулке, в конце концов.

– А я ему говорил, – невозмутимо ответил Капралов, – поспешишь – копчик повредишь. Ладно, командир, будем шуметь потише.

– Вы где?

– На углу. Проникли в цех, начинаем продвижение к объектам. Все нормально, инцидент не повторится.

– Так у меня же «днюха» вчера была, – начал оправдываться Балабанюк, – не выходные, а кутерьма какая-то. Кто меня спаивал в баре? Кто уверял, что завтра будет спокойный рабочий день – без эксцессов, физических нагрузок? А вообще нормально посидели, мужики, – улыбнулся он. – Приличный такой погребок оказался, девочка нас обслуживала прикольная...

– После таких выходных нужны еще одни выходные, – рассудительно изрек в эфир Рудницкий. – Хорошо, что погребок не разнесли... А вообще, согласен, нормально посидели.

– Воспитания вам не хватает, друзья мои, – вздохнул Вадим. – Элементарного европейского воспитания. Стыдно порой за вас. Где ваш ненавязчивый налет элитарности? Ржете, как кони, пьете, как кони...

– Мы еще и пашем, как кони, – обиделся Капралов. – Кто виноват, что у Вовы «днюха» была? Юбилей, надо же поддержать товарища.

– Двадцать шесть – не юбилей, – возразил Рудницкий. – Юбилей – это круглая дата.

– А двадцать шесть – не круглая? – удивился Капралов. – Куда уж круглее.

Спецназовцы сдавленно усмехались.

– Кстати, насчет прикольной девочки, которая нас обслуживала, – с ехидцей сказал Жилин, – я точно помню, что к концу вечера пропали Гриша Амбарцумян и эта девочка – в

финале пьесы нас обслуживала другая. Я сразу догадался, что тут нечисто. Гриша, ау, ты с нами? Что-нибудь скажешь в свое оправдание?

В эфире царило молчание, слышалось только кряхтение Балабанюка с Капраловым, пробиравшихся через горы мусора.

– Бутылочку не выбрасывайте, пожалуйста... – наконец раздался хриплый голос Амбарцумяна. – Вот скажите, пожалуйста, мужики, какая вам, собственно, разница, чем и сколько я занимался с девчонкой, которая реально оказалась прикольной, и, вполне возможно, что я на ней когда-нибудь женюсь? Может, у нас интересы общие. Музыка Рахманинова, поэзия Серебряного века... Каждому свое. Богу – свечка...

– Женится он, – проворчал Жилин, – пусть разведется сначала.

– Ты следишь за парнем у забора? – поинтересовался Вадим.

– Дырку в нем протер, – откликнулся Амбарцумян. – Этот парень действует грамотно, и что-то мне подсказывает, что он не гастарбайтер. Вооружен «АКСУ», имеет рацию и почти профессиональные представления о том, как надо маскироваться. Я его сниму, конечно... Стоп, мужики, минуточку... – Гриша замолчал. Потом опять заговорил: – Приближается машина. Она точно едет сюда... Фиолетовые «Жигули» четвертой модели, не такие уж старые... – Снова пауза. – Ну да, эти люди не заблудились, знают, куда ехать... Ошибочка вышла, командир, – поправился Амбарцумян, – в салоне один человек, это женщина. Она не очень уверенно управляет машиной...

Спецназовцы замолчали. Возникла неожиданная интрига. Банду из семи человек – потенциальных террористов, рядящихся под гастарбайтеров, вычислили и взяли на контроль. Прибыли они отнюдь не из Узбекистана, как пытались представить. Теперь требовалось выявить сообщников и схрон с оружием и взрывчаткой, купленной у некоего майора Тимакова в одной из подмосковных воинских частей (майора «пасли», но пока не брали). Место схрона, кажется, выявили. По некой женщине до текущего дня информации не было...

– Машина проехала мимо усада «на стреме», – проинформировал Григорий. – Останавливать не стал, что-то бухтит в рацию. Видимо, сообщница. Она уже на территории. Встречайте, мужчины...

Теперь все услышали звук двигателя. «Тишина, – на всякий случай предупредил Вадим. – Все застыли, наблюдаем». Машина объезжала горы мусора. Она действительно шла какими-то спонтанными рывками, то разгонялась, то тормозила. Возможно, у автолюбительницы не было опыта общения с механической коробкой передач, а возможно, она сильно волновалась.

Происходило что-то занятное, но пока необъяснимое. Машина остановилась рядом с минивэном. Открылась дверь, выбралась молодая женщина в серой мешковатой куртке. Из-под платка, обмотанного вокруг головы, выбивались черные вьющиеся пряди. Похоже, она неважно себя чувствовала или что-то ее беспокоило. Женщина вела себя неуверенно. Облизнула губы, как-то затравленно посмотрела по сторонам и, закрыв машину, глубоко вздохнула. Сделала несколько шагов к крыльцу, задумалась.

– Надо же, «смуглая леди» нарисовалась, – проворчал Жилин.

– Может, и смуглая, но бледненькая какая-то, – встрепнулся Рудницкий. – Мало радости в жизни у дамочки. Атаманша, что ли? Вадим, с такой персоналией мы еще не сталкивались, нет?

– Помолчите, – буркнул Вадим, – когда вы уже наболтаетесь наконец?

На крыльце образовался «комитет по встрече». Вышли трое. Впереди выступал коренастый небритый тип средних лет, с широким лицом и носом картошкой. В коротко стриженных волосах поблескивала седина. Остальные моложе – такие же «лица не славянской внешности», презирующие бритвенные принадлежности. Вся компания улыбалась – открыто,

дружелюбно, где-то даже сочувственно. Видимо, женщина не так давно понесла утрату. Мордатый по-отечески ее обнял, что-то спросил. Женщина односложно ответила. Ее пропустили вперед и отправились следом.

– Ну, и че это было? – подал голос Жилин. – Пойдем за ними?

– Капралов, Балабанюк, не слышу доклад, – сказал Вадим.

– Они близко, Вадим, – прошипел Балабанюк. – Скрипели, ломали что-то, потом перестали. Слышим женский голос и много мужских. Убеждают ее в чем-то...

– Подберитесь ближе и ждите. Амбарцумян, что у тебя?

– Бомжую, командир. Я снаружи – вместе с этим парнем. Он засел за кучей металлолома, сначала бдил, теперь увлекся телефоном. В принципе могу его снять. Лежу в тридцати метрах, в живописном мусоре, проявляю крайнюю неосторож... в смысле, наоборот.

– Отставить! Не будем совершать прежних ошибок.

– Хорошо, – покладисто согласился Амбарцумян. – Будем планировать новые. То есть я сижу?

– Сиди.

Неопределенность продлилась недолго. Послышались голоса, на крыльце опять возникли люди – те же, в прежнем составе. Широколицый субъект придерживал за локоть женщину, что-то вкрадчиво шептал ей. Со стороны могло показаться, что он напевает ей любовную серенаду. Женщина улыбалась как-то неуверенно, кивала. Она тяжело передвигалась – когда спускалась с крыльца, мужчинам пришлось ей помочь. Процесс прощания не затянулся. Седовласый ласково посмотрел ей в глаза, произнес очередную тираду. Остальные тоже улыбались – прямо елей источали! Женщина окинула их печальным взглядом и побрела к машине. Сжала губы, которых, видимо, давно не касалась помада, в глазах появилась злость. Она уселась в машину, хлопнула дверцей. Постреливая выхлопом, «Жигули» подались вперед и пропали за углом. На лицах мужчин уже не было сочувствия и понимания. Один из них засмеялся. Седовласый махнул рукой, бросил что-то гортанное и потащился в здание. Компания последовала за ним. Амбарцумян доложил: «Жигули» покинули территорию, направляются к дороге. Наблюдатель что-то буркнул в рацию, зевнул и отложил переговорное устройство. «Удали его», – приказал Вадим. Прошло гладко – на вооружении спецназа имелись «ПМ» с глушителями. Через минуту Амбарцумян отчитался: объект в минусе.

– Уверен? – на всякий случай уточнил Репнин.

– Так точно, командир. Тут нет ничего совместимого с жизнью.

– Мы ждем тебя, – сказал Вадим и повернулся к Жилину: – Отползай, спускайся – и за ней. И быстро, Федор, не спи! Постарайся не хромать. Близко не подъезжай, держись на расстоянии. Глаз не спускаешь с этой особы. Будь на связи.

Жилин понимал, что права сегодня лучше не качать, в бою из-за ноги толку от него все равно будет немного. Он отполз от края крыши, поднялся и побежал, пригнувшись, к пожарной лестнице. Спецназ подстраховался – прибыли на двух машинах. Обе остались в лощине в двух минутах бега – пафосный семиместный «Фортунер» и неказистый «Опель» «лохматого» года, обладающий неплохой выносливостью и подвижностью. Вадим не сомневался, что Федор догонит дамочку, на плохой дороге она не могла разогнаться.

Амбарцумян появился через минуту. Сутулая фигура в обносках возникла на углу здания, перебежала за сгоревший фургон. Затем выползла оттуда и проинформировала, что видит в глубине проема человека с автоматом. Тот стоит за косяком и копается в телефоне. С крыши этот парень не просматривался – не тот ракурс. «Сможешь убрать его бесшумно?» Вместо ответа Амбарцумян произвел выстрел из пистолета с глушителем. За дверью что-то охнуло, и на крыльцо вывалилась верхняя часть туловища. Оставалось четверо. Ну все, заходите, как говорится, и не стесняйтесь! Первый пошел! Вадим перемахнул через бортик, упал на заранее облюбованное место в раскисших коробках и в следующий миг уже

бежал через двор. Ускоряясь, перемахнул через мертвеца на крыльце, вбежал внутрь. Следом не очень красиво влетел Рудницкий, ударился плечом, ругнулся. В штангу попал! Все нормально, не отстал. Бетонные стены, крошево на полу, дверные проемы в прорези прицела. Плутать особо не пришлось, три проема, которые он отмахал на одном дыхании. Распахнулось пространство в полумраке – ржавые покосившиеся стеллажи, бетонные «подиумы» на месте демонтированного оборудования, море неликвидного хлама. Над головой колыхались стальные балки, с которых свисали провода, ошметки изоляции, утеплителя и еще непонятно чего. Отметился свободный от мусора участок пространства, он подался туда и упал на колени, продолжая целиться. В помещение влетели Рудницкий и Амбарцумян в живописном маскарадном костюме, рассредоточились кто где.

– Оружие на пол, руки за головы, сопротивление бесполезно!!! – выкрикнул Вадим.

Появление спецназа вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Члены банды заметались. Прогремела очередь, забило эхо под крышей, больно резанув по ушам. В стороне ударил еще один автомат – Балабанюк и Капралов перекрыли путь отхода. Бандиты кричали, матерились на чистейшем русском языке. Сдаваться в их планы не входило, они открыли огонь. Спецназ уже лежал, дураков подставляться не было. Кто-то из преступников метнулся к оконному проему. Очередь пропорола ему бок, перевернула и свернула шею. У остальных хватило ума залечь. Они перекликались, отползали в правый угол, ожесточенно отстреливаясь. «Почему не сдаются? – мелькнула мысль. – Вряд ли на что-то рассчитывают». За углом распахнулась дальняя часть цеха – он в плане был буквой «Г». Там тоже царил полумрак – мглистый свет поступал из одного оконного проема, расположенного высоко над полом. Здесь легко можно было спрятаться – разбитый порталный кран, груды битой дровотары, перевернутые верстаки. Вадим перекатился к правой стене и обнаружил вдоль нее глубокий желоб – технологическое углубление в полу. Он рухнул туда и пополз, отталкиваясь коленями. Стены продолжали сотрясаться от пальбы, сыпалась штукатурка, поднималась цементная пыль. Бандиты продолжали переругиваться. Кто-то истошно завопил: «Аллах акбар, шайтаны поганые!!!» – и захрипел, забулькал от перенасыщения свинцом. Терпение лопнуло – Вадим поднялся, побежал по желобу, спеша перекрыть проход к дальней стене. Если там дверь, то кто-то из ублюдков может уйти! За спиной в клубах пыли вспыхнула стихийная рукопашная – гремел металл, трещали кости. Вадим успел – добежал до угла, когда из пыли вылутился седовласый бандит с выпученными глазами. Там действительно имелся проем. Седовласый захрипел от разочарования, обнаружив спецназовца, и вскинул руку, сжимающую пистолет. Хлопнул выстрел. Вадим метнулся вбок, зацепил какой-то верстак, полоснул очередью. Боль прожгла плечо. Он тоже промахнулся, но страху на противника нагнал. За свою шкуру этот поганец сильно переживал, тоже кинулся в сторону, ударился головой о стальной щиток, закрепленный на стене. Удар получился чувствительный, глаза у преступника завертелись, как колеса у перевернувшейся машины. Он качнулся, оперся спиной о стену и сжал виски. Прогремел выстрел. Вадим не смотрел, куда ушла пуля, всем телом навалился на врага. Бедолага напрочь забыл о головной боли, завизжал, как поросенок, и рухнул как подкошенный.

В здании цеха установилась тишина. «Вот и наступил долгожданный мир», – подумал Вадим. Схватив бесчувственного преступника за шиворот, он поволок добычу на середину цеха, как мешок с картошкой. Пороховая гарь уже рассеялась, оседала цементная пыль. Оглушенные от грохота, перепачканные с ног до головы товарищи стаскивали тела в одну кучу. Всего четверо – трое из них набиты свинцом под завязку. Еще один на пороге – тащить его откровенно не хотелось. Шестой – где-то за забором, с пулей в черепе. Условно выжившим считался лишь седой – видимо, старший в банде. Но в ближайшие сутки от него никакого нава – то же самое, что помер.

– А что, хорошо поработали, – резюмировал Гриша Амбарцумян, освобождаясь от своих лохмотьев. – Можем ведь, когда захотим.

– Можем, умеем, практикуем, – лаконично обрисовал возможности спецназа прапорщик Капралов – невозмутимый, с гладко выскобленным черепом. Он отстегнул от пояса наручники и на всякий случай пристегнул запястье главаря к запястью ближайшего покойника: – Вот так-то лучше. Пусть вдвоем сбегают.

– Устал, – пожаловался рослый и смешливый, но сегодня какой-то замученный Вова Балабанюк, опускаясь на пол. – Бесит, мужики, что работа не волк и не убегает в лес. Ну и дыра, прости господи... – Он с брезгливостью огляделся по сторонам. – Нашлось же такое местечко в двух часах езды от столицы нашей Родины...

– Запомни, Владимир, хорошо там, где мы, а не нас, – философски заметил Рудницкий, и все присутствующие с ним согласились.

Схрон с оружием оказался здесь. В полу находилось что-то вроде замаскированного люка, а внизу – пустое пространство с приставной лестницей. Все, что там хранилось, бандиты извлекли и складировали рядом с люком. Собирались вывезти на микроавтобусе, но спецназ опередил. Кучкой лежали автоматы в заводской смазке, цинк с патронами, компактный ящик с гранатами, отделенными от взрывателей, два пистолета «Беретта» калибра 9 мм. Отдельной кучкой – три широких матерчатых пояса. Сердце неприятно кольнуло и в горле пересохло, когда Вадим разглядывал эту зловещую кучку. «Пояса шахида» – «модные» жилеты, изготовленные с умом, почти профессионально. В каждый пояс было вшито по несколько плиток пластифицированной взрывчатки – судя по всему, гексоген заводского изготовления. Пять стандартных шашек. Они через одну были переложены туго обмотанными скотчем «брикетами» того же размера. Вадим опасливо потрогал один из «брикетов». В нем находились поражающие элементы – шарики от подшипников, толстые шурупы, гвозди, нарезанная проволока. Все это благолепие было оплетено проводами. Каждая шашка соединялась параллельно (не сработает одна – сработают остальные) длинным проводом с пластиковым переключателем, который обычно помещается в кармане или за пазухой и служит для проведения самоподрыва.

Он с растущим ужасом разглядывал эту кучку. Устройства мощные, не менее двух килограммов взрывчатки в каждом. Если такая рванет в толпе, то мало не покажется – трупы будут исчисляться десятками. Нашли, конфисковали, обезвредят – это, конечно, хорошо... Но ужас продолжал расти. Вопрос на засыпку: чем исламист отличается от мусульманина? Да всем! Нормальный мусульманин не отправит «живую бомбу» взрывать ни в чем не повинных граждан! Даму обработали, промыли мозги, при этом не лишали свободы передвижения, она прибыла самостоятельно, на машине. Ее уже ждали, проинструктировали, приободрили (отсюда добрые улыбки, вкрадчивые слова), наплели своей традиционной лабуды о жизни в раю рядом с погибшим мужем, потом надели пояс и сунули переключатель. Она ведь тяжело передвигалась, когда возвращалась к машине, и состояние у нее было хуже, чем по приезде...

Куда ее отправили?! И спросить не у кого! До Москвы порядочно, но на трассе за Некрасовкой множество населенных пунктов, супермаркеты у дороги, там всегда толпы...

Товарищи смотрели на Репнина не дыша. Всех поразила одна и та же мысль.

– По ходу, мы не в топе, а... наоборот... – сартикулировал ее за всех помрачневший Балабанюк.

– Все к машине!!! – взревел Вадим.

И все пятеро, гремя доспехами, побежали к выходу из цеха. Машина далеко – в ложбине за забором. Но зато нормальная машина – догонит и перегонит любые «Жигули»! Жуткие видения теснились в головах. До Некрасовки двенадцать километров, значимых объектов до трассы нет, лишь пара депрессивных деревушек, дорога битая-перебитая, не

разгонишься, но если эта «смуглая леди» успеет раньше них добраться до Некрасовки, то все пропало! Бойцы мчались прыжками, катились в ложбину к своему помпезному семиместному «Фортунеру», в который, помимо пассажиров, можно натолкать кучу всякого барахла. Капралов – за руль, остальные в салон. Грузились споро, Рудницкий, матерясь, запрыгивал уже на бегу. Полный привод, вперед! Мощный джип, рыча, как стадо львов, выбирался из ложбины, давил какие-то чахлые кусты. Прыгал по глинистым проплешинам, держа курс на заросший проселок. У людей от нетерпения стучали зубы. Только бы успеть!

– Не волнуйтесь вы так, мужики, – пытался успокоить их Капралов. – Двенадцать верст по буеракам на своей колыхаге – она же час ползти будет. И Федор ее «пасет», не даст разгуляться...

Первым делом Репнин связался с полковником Паньковым. Эдуард Романович был заместителем начальника Управления специальных мероприятий Федеральной службы противодействия террору генерал-майора Кашарина и, по совместительству, курировал группу майора Репнина, переименованную в «Ягуар». Вадим докладывал четко, лаконично. Объект с такими-то координатами. Пять трупов и один живой, не считая схрона с оружием и взрывчаткой. Быстро направить туда группу – желательно на вертолете! Пленник не сбежит, даже не очнется, но кто его знает? Быстро перекрыть выезд с безымянной проселочной дороги в районе Некрасовки – координаты прилагаются! Сиреневые «Жигули» ни в коем случае не должны вырваться на простор! Сообщите начальнику управления, пусть отдаст приказ соответствующим структурам. Ведь должны быть в Некрасовке какие-то менты – ППС, ДПС, участковые, в конце концов! Будет прорываться – стрелять на поражение!

– Слушаюсь, товарищ майор, разрешите выполнять? – иронично отозвался полковник. – Ты сегодня в ударе, Вадим.

– Простите, товарищ полковник, мы немного возбуждены, да и времени нет. Преследуем гражданку, которая может взорваться в людном месте. Жилин ее «пасет», но никакой гарантии...

– Хорошо, Вадим, я понял. Не знаю, впрочем, насколько быстро умеет реагировать поселковая полиция... – крикнул Эдуард Романович.

Но Репнин уже отключился и вызванивал Жилина. Толку от переговорника никакого – радиус действия пятьсот метров! К счастью, телефон у Жилина находился под рукой, а мобильная связь в этом захолустье была!

– Федор, ласточка, на тебя вся надежда! – начал Вадим. – Управление в курсе происходящего, но они не успеют...

– Подожди, командир, а что-то происходит? – озадачился Жилин. – Мне никто не докладывал...

– Да! Барышня, которую ты «пасешь», не должна выехать на трассу! Ее нельзя пускать в Некрасовку! На ней «пояс шахида», который она собирается привести в действие!

– Ух, ё... – вполне логично среагировал Жилин.

– Видишь ее? Где вы находитесь? Мы едем за вами, но мы не реактивные!

– Еду за фиолетовыми «Жигулями» метрах в трехстах, – отчитался Жилин, – фары не включаю. Скорость у дамы небольшая, да и у меня, собственно, дорожное покрытие весьма хреновое. До Некрасовки километра четыре, здесь нет населенных пунктов, лесов тоже почти нет, но местность очень рельефная...

– Федор, слушай внимательно. Поддай газу, но постарайся не разбить машину, иначе все пропало. Уверенно обгоняй, делай вид, что она тебя не интересуется. Оторвись от бабы метров на триста и ставь машину поперек дороги. Выбери такой участок, чтобы она не смогла объехать. Прострели колеса. Пешком далеко не уйдет. Не подпускай к себе – на ней два кило гексогена. Кинется на тебя – стреляй на поражение. Решит бежать – бей по ногам. Это ведь не сложно, Федор?

– Это элементарно, командир! – нервно хохотнул Жилин. – Ситуация штатная, подумаешь, побегать от бабы, увешанной взрывчаткой. Все понял, отключаюсь, иду на обгон...

«Тойота Фортунер» покоряла бездорожье с приличной скоростью – хвала умельцам из Страны восходящего солнца! Мелькали кустарники, голые холмы. Подвеска не спасала – трясло, как в полуторке на фронтовой дороге. Но джип уверенно катил вперед. Прошло минут восемь, когда впереди захлопали рваные выстрелы. Капралов поддал газу и начал выворачивать баранку вправо, объезжая каменистую возвышенность. Объехал – сбросил скорость почти до нуля. И тут нарисовалась картина маслом. В двух верстах на западе – лесополоса, в которую ныряла дорога, а между холмом и лесополосой – безлесное пространство – бугры, лощины, отдельные очажки кустарника. Глиняные плечи поблескивали на солнце. «Опель» ушел вперед, перегородил дорогу. Объехать его было нереально – во всяком случае, на «Жигулях», слишком крутые откосы. «Жигули» застыли на дороге метрах в полтора от него. Было видно, как за «Опелем» скорчился Жилин, он что-то кричал. Возможно, женщина слышала, возможно, нет, но стекло со стороны водителя было припущено. Из трубы «Жигулей» вырывался сизый дымок, она газовала, не решалась тронуться, видимо, испугалась, когда обогнавшая ее машина перекрыла проезд. Жилин продолжал кричать, махал рукой. В округе никого, до Некрасовки – ни одной приметы цивилизации. Может, и к лучшему...

Спецназовцы в джипе затаили дыхание. Капралов малым ходом двигался вперед.

– Остановись, – бросил Вадим, – а то Жилин палить начнет – нам достанется.

Капралов послушно выжал тормоз, но передачу не выключил. Оставалось лишь догадываться, что у женщины в голове. Мозги промыли дочиста, настроили решительно, но элементарный человеческий страх отменить невозможно. Смерть есть смерть, какие бы соблазнительные перспективы ни рисовались за ее гранью. «Жигули» дернулись, заглохли – слишком резко отпустила сцепление. Снова взревели, облако вырвалось из выхлопной трубы. Она медленно двинулась дальше, снова заглохла, снова завелась. Возможно, увидела в зеркало, что и сзади проезд перекрыт. Жилин продолжал кричать, но бесполезно. Дама решила разогнаться, протаранить «Опель». Прогремела очередь из «калашникова». «Жигули» занесло, они остановились, уткнулись в дорогу передним бампером. Жилин молодец, прострелил оба передних колеса! Она безуспешно пыталась поехать – машина проползла несколько метров и встала окончательно.

– Вперед, Леха! – скомандовал Вадим. – Только близко не подъезжай.

Дама поняла, что попала в ловушку, и вышла из машины. Стояла, вся такая одинокая, потерянная, угрюмо смотрела, как из джипа выходят спецназовцы, рассредоточиваются по дороге и обочинам. До особы, увешанной гексогеном, было метров сто пятьдесят. Поражающие элементы в такую даль не летят. Жилину в этом плане приходилось труднее, но его закрывал «Опель». «Пристрелить шахидку?» – мелькнула не очень достойная мысль, но он тут же ее устыдился. Нельзя, пока есть шанс спасти замороженную женскую голову. Она поколебалась, потом побрела вперед – к Жилину.

– Стой! – кричал Жилин – он, похоже, не на шутку разволновался. – Стрелять буду! Убью же, на хрен! На месте, отстегнуть пояс, положить на дорогу!

Она не слушалась, тащилась к «Опелю». Ситуация возникала какая-то идиотская. И уж точно нестандартная. Жилин не хотел ее убивать. Да и как убить? Попадешь в пояс – разнесет все к чертовой матери! Ударила раскатистая автоматная очередь. Пули вздыбили фонтанчики у женщины под ногами. Ей едва не перепало! Она остановилась, с каким-то отрешенным удивлением глядя себе под ноги. Сделала еще шаг – и снова очередь пропорола глину. Снова встала. Мозговая деятельность в голове у женщины благополучно завершилась, но какие-то инстинкты еще работали. Она повернулась, побрела обратно, подвола-

кивая ноги. Голова была низко опущена. Казалось, она возвращается к машине. Но прошла мимо и направилась дальше – к спецназовцам, рассредоточившимся вдоль дороги.

– Сюрприз, – удивленно пробормотал Рудницкий. – Ну, и где у нее кнопка, командир?

– В кармане, – огрызнулся Вадим. – Нажмет – и разлетятся клочки по закоулочкам.

– Я про другую кнопку... Отключить бы ее...

Отдавать дополнительные приказы не пришлось – бойцы пятились. Зрелище было иррациональное. К ним приближалась живая бомба, в которую очень не хотелось стрелять. Но пришлось. Она не останавливалась! Люди открыли огонь – в воздух, по дороге. Женщина словно очнулась и вскинула голову.

– Снимите куртку и жилет! – крикнул Вадим. Голос вдруг осип. – Снимите, положите на дорогу вместе с переключателем, и мы не сделаем вам ничего плохого! Мы просто поговорим! Вы будете жить! Женщина, очнитесь, вы же не зомби!

И тут с ней стала происходить какая-то чудовищная трансформация. Распрямились плечи, она приосанилась, глаза заблестели. Симпатичное лицо перекосила ухмылка, от которой все присутствующие почувствовали дискомфорт. Она сделала вкрадчивый шаг – переступила через разрывы пуля на дороге. Открыли огонь все одновременно. Вокруг смертницы бился рассерженный рой, пули свистели над головой, грызли землю. Над «Опелем» вырос Жилин, усердно крутивший пальцем у виска – сумасшедшая, что с нее возьмешь, и делавший выразительные пассы – бегите, мужики! Но до такого, слава богу, не дошло. Впрочем, спецназ дрогнул, попятился. Какая только фигня не случается в жизни! Женщина шла, не останавливаясь, потом побежала – грузно, переваливаясь с ноги на ногу. Ненависть ее гнала, хищная улыбка расплылась до ушей.

– Где же у нее кнопка, мать ее? – растерянно бормотал Рудницкий.

– Господи, мама, заberi меня из взрослой жизни... – убитым голосом попросил Балабанюк.

Трудно сказать, чья пуля попала ей в левую руку. Разумеется, шальная. С выдержкой у спецназа – без проблем, стрелять на поражение команды не было. Она вскрикнула от боли, упала на колено. Из простреленной левой конечности потекла кровь. Лицо ее потемнело и исказилось до неузнаваемости, но глаза продолжали сверкать. Вадим запоздало сообразил, что стрелять надо было в правую руку, которая сейчас забиралась за пазуху, отыскивая спрятанный во внутреннем кармане предмет.

– Мужики, ложись! – ахнул Вадим.

Мощный взрыв – словно многотонная бомба упала с самолета! Взметнулась пыль, выдранный взрывом чертополох, разлетелись фрагменты тела. Обожгла, ошеломила ударная волна, выбила на время из реальности. Взрывчатки было много, постарались террористы, не пожалели добра. Зад «Жигулей» изрешетили осколки, смяли до полной «неоперабельности». Часть поражающих элементов долетела до «Опея», но ущерба не принесла, да и Жилин предусмотрительно успел присесть.

В районе взрыва еще не осела взметенная пыль. Спецназовцы поднимались – побледневшие, пыльные. Пострадавших не было, зона поражения сюда не распространялась.

– Воистину, хуже нет врага человеку, чем религия... – глубокомысленно пробормотал Амбарцумян. – Что? – разозлился он, заметив, как исподлобья взирает на него Капралов. – Это не я сказал – это Ницше.

– Да иди ты в баню со своим высшим образованием, – устало пробормотал тот.

– Со своим злокачественным высшим образованием, – поправил Вадим.

– Да дура она, – отмахнулся Амбарцумян. – Просто дура. Позволила запудрить себе мозги, и вон как вышло. Что бы ни случилось у бабы в жизни – все равно дура. Лучше бы сексом с кем-нибудь занялась...

– Тебе бы лишь про секс, – упрекнул Рудницкий.

– Ладно, мужики, не ссорьтесь, – вздохнул Балабанюк. – Давайте с уважением относиться к ее выбору... – И задумался – что вообще ляпнул?

– Разговорились вы что-то, товарищи бойцы, – покачал головой Вадим. – Прошу заткнуться и вести себя прилично.

Кто была эта женщина? Ладно, следствие выяснит, это уже не дело спецназа.

Жилин первым подошел к месту взрыва, растерянно озираясь. Подошли и остальные, бесцельно блуждали по зоне разлета осколков. На месте взрыва осталось небольшое углубление в проезжей части. От смертницы уцелело лишь чуть-чуть, ее порвало на мелкие куски. Кровь, обрывки одежды, обгоревшие части тела.

– Какая-то она... фрагментированная... – буркнул Жилин и, отвернувшись, украдкой перекрестился.

Со стороны столицы показался вертолет «Ми-8». Дал вираж, пролетел над головами, качнулся. «Вовремя», – подумал Вадим. Капралов не сдержался, показал пилотам средний палец – тоже «поприветствовал». Вертолетчики обиделись, развернулись на север и отправились к заброшенным мастерским, где трупов в этот час было больше, и они сохранились гораздо лучше. Со стороны Некрасовки приближалась колонна – впереди катил полицейский «УАЗ» с проблесковым маячком. «Тоже вовремя», – снова подумал Вадим и сплюнул.

– Ладно, не парься, все хорошо, что хорошо кончается, – утешал его через час полковник Паньков. – Главное, что люди целы и никто из гражданских не пострадал. Баба сама себе выбрала смерть. Она бы все равно погибла, раз встала на этот путь, но могла забрать с собой кучу ни в чем не повинного народа. Она ведь ехала себя взрывать, верно? До Москвы бы не добралась, но могла остановиться в Некрасовке, где большой супермаркет. Или в Щукино, где огромный гипермаркет строительных материалов. Неприятно, согласен, но банда обезврежена, оружие и взрывчатка конфискованы. Забудь об этой истории. Езжай домой, сегодня и завтра можете отдыхать – обрадуй своих парней. Выпей, поспи, развлекись как-нибудь. Но сильно не увлекайся, – предупредил Эдуард Романович, – вдруг понадобится.

Лишь в четвертом часу пополудни Репнин добрался до съемной квартиры в Красногорске. Разбитый, с трудом поднялся на этаж, открыл дверь. В квартире за год ничего не изменилось, если не считать нового дивана, который его уговорила купить одна девушка в начале весны. Девушка исчезла, а диван остался и уже раздражал. Предыдущий был комфортнее и привычнее. Он принял душ, завалился на диван. Потом пошатался по квартире, выпил рюмку коньяка и снова лег, тупо уставясь в экран телевизора. Временами одиночество просто бесило. О полноценной семье оставалось только мечтать. Жена погибла четыре года назад, и осталась только дочь Маринка – проживала в Новосибирске на попечении сердобольной тетушки. Вырваться на родину удавалось не чаще двух-трех раз в год. Начальство обещало квартиру в Красногорске, но обещания давно поросли паутиной. «Терпи, майор, все будет», – как заклинание, твердило начальство. И что? Больше трех лет скитается по съемным квартирам, и нет возможности перевезти сюда Маринку, построить отношения с нормальной женщиной...

Вадим еще выпил, а потом лежал с закрытыми глазами под бормотание телевизора. За последний год он дважды видел дочь. В прошлом сентябре, после поимки убийц на трассе «Дон», начальство выделило от щедрот пять свободных дней, примчался в Сибирь, все дни провел с дочерью. Она была почти шелковой, не язвила, а когда он улетап, ревела, как дитя. Затем примчался на Новый год – Маринка цвела и пахла. И вновь четыре дня пронеслись, как товарняк. «Отлично, – мрачно констатировала Маринка. – Ты снова уезжаешь, и у меня начинается красивая новогодняя депрессия – куда сильнее и красивее, чем в прошлом году». В мае на ее день рождения он не смог приехать, что и послужило причиной нового витка сарказма. Боже правый, ей уже исполнилось 14 лет, здоровая кобылка, почти взрослая! Так и оглянуться не успеешь, жениха заведет, а он проконтролировать не сможет...

Нет, он должен владеть ситуацией. Ближе к вечеру Вадим позвонил в Сибирь.

– Господи, ну какого еще хрена? – простонала дочь вместо логично вытекающего «алло».

– Именно этому тебя учат в школе, дочь? – поинтересовался Вадим. – Признайся, это точно не спецшкола с уголовным уклоном?

– Ой, папуль, прости, – засмеялась Маринка. – Только что звонил один приставучий тип, звал в кино, вот я и решила, что опять он... А что касается спецшколы с уголовным уклоном – они сейчас все такие. Даже самые элитные и пафосные. Хуже зоны.

– Не преувеличивай, дочь, – улыбнулся Вадим. – Ты учишься в нормальной школе, я узнавал.

– Конечно, в нашем классе не все бандиты, – допустила Маринка. – Возможно, поэтому я еще ни разу не напилась, не сидела в полиции и не познала радость первого секса. Все впереди, папуль.

Он прекрасно знал, какая на самом деле его дочь и насколько далеки ее речи от реальных поступков. Но все равно порой становилось жутковато.

– У тебя сейчас все в порядке?

– Ну да, нормально. – Маринка задумалась и добавила: – Тараканы в голове притихли, сюрприз готовят.

– Чем занимаешься?

– Свинью с коровой скрещиваю.

– В смысле?

– С помощью мясорубки. Одним словом, постигаю тяжелую науку вести хозяйство. Готовлю пока неважно, но уже научилась очень вкусно разогревать. Времени на личную жизнь не остается. А еще эта школа, гори она синим пламенем. Учебный год только начался, а я уже от него так смертельно устала... Может, академический отпуск взять, как ты считаешь, пап? Ты, кстати, помнишь, в каком я классе учусь?

– В предпоследнем, – не очень уверенно отозвался Вадим.

– Надо же, почти угадал, – похвалила Маринка. – На свадьбу хоть приедешь?

– Дочь, ну не позорь меня, ты же знаешь, как мне трудно вырваться с этой работой. Я ее не выбирал, человек подневольный. Ты даже не представляешь... – Он вовремя прикусил язык. Не стоит посвящать ребенка в тонкости его многогранной работы, хотя она обо всем уже и так догадывается. – И перестань постоянно язвить. Я знаю, что ты крепкий орешек.

– Да, таких, как я, больше нет, модель снята с производства, – похвасталась Маринка. – Ладно, пап, не парься, я все стерплю и всегда буду ждать тебя, как верная жена, поскольку другого папы у меня нет и не планируется. Где я его возьму, если у меня больше нет мамы?

– Уже лучше, – улыбнулся Вадим. – А вообще как дела?

– Да не очень, – призналась Маринка. – Кризис в стране. Санкции, нефть дешевеет, очень сложное международное положение. Рубль покатился под горку, цены растут, падает индекс потребительской уверенности... Ладно, последнее я не говорила. Раньше тетя Люда хранила деньги в банке, а теперь – в воспоминаниях...

– Я постараюсь присылать побольше, Мариша...

– Ах, папенька, оставьте вы это... – Маринка весело рассмеялась. – Ладно, не обращай внимания на мое нытье. Все хорошо, лишь бы война не началась. Приезжай чаще, и все будет ништяк.

После разговоров с дочерью всегда оставался странный осадок. Вроде и смех бурлил в горле, а очень грустно становилось. Змей какой-то точил. Не было покоя в душе. Скоро сорок, пора обретать хоть какое-то подобие спокойствия.

Глава 3

Управление специальных проектов Министерства обороны располагалось, как и основное здание, на Знаменке, но в стороне, ближе к Боровицкой улице. Невысокое трехэтажное строение пряталось в глубине квартала, за листвой тополей. Вывеска на крыльце отсутствовала, да и само крыльцо было трудно назвать парадным. Но периметр контролировался, всех въезжающих встречал шлагбаум, а окна были забраны поляризованными стеклами. В здании (а в него входила и двухэтажная подземная часть) круглосуточно протекала невидимая глазу жизнь.

Кабинет начальника управления генерал-лейтенанта Верхотурова располагался на втором этаже, и окна его выходили в обычный московский переулок. Валерий Леонидович Верхотуров, высокий сухопарый мужчина лет пятидесяти, отошел от окна, задумчиво уставился на громоздкий еженедельник, примостившийся на столе, пошелестел листами. В дверь негромко постучали, и в кабинет проник невысокий плотный мужчина с правильными чертами лица и идеальным пробором – заместитель Верхотурова генерал-майор Суханов Олег Александрович.

– Разрешите, Валерий Леонидович?

– Проходи, Олег Александрович, присаживайся.

Заместитель по-свойски расположился в кресле между шкафом и упрятанной за широкой раковиной. Он всегда в нем сидел – все об этом знали, и никто не покушался.

– Все в порядке, Олег Александрович? – спросил Верхотуров.

– Да, нормально, текучки много. – Суханов распахнул лежащую на коленях папку, принялся перебирать бумаги с грифом «секретно».

– Что там случилось вчера у смежников из Антитеррора? – спросил генерал-лейтенант. – Слышал, шум стоял.

– Ребята Кашарина отличились. – Суханов снял очки, принялся протирать их носовым платком. – Устранили реальную угрозу теракта попутно с бандой террористов, готовящей шахидов. Гражданские не пострадали, спецназ целенький. Банда уничтожена, главарь взят живьем. Работал некто майор Репнин – правая рука Панькова, заместителя Кашарина.

– Учитесь, как надо работать, – усмехнулся Верхотуров и нетерпеливо посмотрел на часы.

Тут в дверь снова постучали, вошли четверо, и началось запланированное совещание. Люди рассаживались за столом, выжидающе смотрели на старшего по званию и должности. Все четверо имели прямое отношение к управлению, трудились в нем не один год на руководящих должностях. Подполковник Павел Медынич, самый молодой из присутствующих, второй заместитель Верхотурова, начальник секретной части. Прямой, как шпага, немногословный полковник Сергушин Николай Дмитриевич – начальник 2-го отдела, руководитель групп конвоев сопровождения особо ценных грузов. Начальник технического отдела полковник Стерлинг Юрий Антонович – перманентно хмурый, сосредоточенный. Его заместитель майор Беликов – белобрысый, исполнительный, а главное, компетентный.

– Добрый день, товарищи офицеры, – поздоровался Верхотуров. – Долго сидеть сегодня не будем, закончим через пять минут. Надеюсь, все понимают – информация обладает грифом «совершенно секретно», и ее разглашение преследуется по закону. Поступила информация из ярославского КБ «Куб» о том, что изделие 24-АЛП успешно прошло заводские испытания. Выпущена ограниченная партия блоков «Дрозд» в количестве десяти единиц. Вся документация уже у нас, ее изучают эксперты. Похоже, инженеры Грушевского потрудились на славу, создали именно то, что крайне необходимо нашим воздушно-космическим силам.

– Да, этот блок программного управления станет неприятным сюрпризом для наших партнеров из Северо-Атлантического альянса, – улыбнулся генерал-майор Суханов. – Воздействовать на него со своих спутников они уже не смогут. Какое-то время, во всяком случае, точно не смогут, – допустил он.

– Однако не следует забывать, что заводские испытания – это лишь приемочная формальность, а как поведут себя изделия после установки на средство доставки, пока неясно, – продолжал Верхотуров. – В реальных условиях «Дрозды» пока не испытывались. Сейчас на «Кубе» идет подготовка к отправке партии изделий на полигон. Испытывать их будут на полигоне «Южный» в Ростовской области – в вотчине полковника Харченко Виктора Елисевича, которого вы все прекрасно знаете. Задача нашего управления – обеспечить безопасную доставку изделий на полигон из начальной до конечной точки.

– Мы уже поняли, товарищ генерал-лейтенант, – кивнул молодой подполковник Медынич. – На какое число назначена перевозка?

– Сегодня у нас пятница, 11 сентября. – Верхотуров машинально покосился на свой ежедневник (ничего секретного в нем, понятно, не было). – Доставку произвести в четверг, 17-го. Работники вашего отдела, Юрий Антонович, – посмотрел он на полковника Стерлинга, – должны проконтролировать процесс погрузки, условия транспортировки, а также то, что груз доставлен адресату лично, так сказать, в руки.

– Все будет сделано, Валерий Леонидович, – кивнул Стерлинг.

– Наши специалисты вместе с персоналом полигона проконтролируют также установку блоков на ракеты «Вектор», – добавил его заместитель Беликов. – Не будем безоглядно доверять гражданским, товарищ генерал-лейтенант.

– Хорошо, – кивнул Верхотуров. – Мы проводим подобные мероприятия не впервые, уверен, что все пройдет гладко.

– А как еще, – пожал плечами генерал-майор Суханов. – Работать в режиме строгой секретности, слава богу, научились. Да и по своей земле пойдем – не по вражеской.

– Кстати, по поводу вражеской территории, – сухо улыбнулся начальник управления. – Думаю, ни для кого из присутствующих не секрет, в какой точке земного шара через месяц-другой будут испытываться ракеты «Вектор», оснащенные блоками «Дрозд». Это Сирия, товарищи офицеры и генералы. Политическая почва для данного решения еще не подготовлена, но высшее руководство над этим работает, и могу вас заверить, что мы в это вяжемся. Не можем не ввязаться. Слишком долго об нас вытирали ноги и не признавали наше право иметь собственные интересы. И сугубо практическая, разумеется, причина – новейшее оружие, сконструированное и произведенное в последнее время, нуждается в испытаниях в реальных, отнюдь не полигонных, условиях. Но это дело будущего. Пока наша задача – доставить на полигон партию блоков «Дрозд» и провести предварительные испытания. Если в ходе последних выявятся недостатки, у инженеров будет время их устранить. Проработаем маршрут доставки, товарищи. – Верхотуров повернулся к руководителю групп конвоев полковнику Сергушину: – Слушаем ваши предложения, Николай Дмитриевич.

– Буду неоригинальным, Валерий Леонидович. – Сергушин поднялся, подошел к карте, стал указкой отмечать узловые точки маршрута. – Город Ярославль, производственная база конструкторского бюро «Куб» на Волочаевской улице. Город Переславль-Залесский – Орехово-Зуево – Коломна. Далее – выезд на трассу «Дон», а вернее, на параллельную ей дорогу до Воронежа... – Указка медленно очерчивала маршрут, и все следили за ней, как за гипнотизированными. – От Камышина конвой сворачивает к Матушкино и по прямой – на полигон «Южный». Маршрут отработан, мы использовали его несколько раз. В крупные города конвой не заходит, выбирает объездной маршрут. Нежелательны также выезды на скоростные магистрали и совсем уж убитые проселки – используются обычные дороги общего назначения, на которых разрешенная ГИБДД скорость не превышает 90 километров в час. Конвой

не должен привлекать внимания. Олег Александрович прав, мы едем по своей земле, но – тем не менее. Поэтому машин сопровождения не будет. Весь конвой – один бронированный, но внешне обычный микроавтобус «Пежо», ничем не выделяющийся в потоке транспорта. Номера – Министерства обороны. Посты ГИБДД на маршруте будут предупреждены, объявлены пропускать беспрепятственно. У конвоя стабильная связь с Центром, доклад каждые десять минут. На машине «маячки» – ее маршрут отслеживается диспетчерами. О характере груза знают только присутствующие в этом кабинете, полковник Харченко на полигоне «Южный» и несколько человек в КБ «Куб». Причем последние – в полном неведении относительно маршрута. Состав конвоя – четыре опытных офицера моего отдела. На теле каждого – датчик слежения, у каждого – индивидуальное средство связи с диспетчерами и центром. Вооружение – табельные «ПМ», «АКС». Повторяю, товарищ генерал-лейтенант, движение конвоя отслеживается в каждой точке маршрута. Органы ФСБ и специальные подразделения тех регионов, по которым пролегает маршрут, будут приведены в готовность и смогут прибыть в течение нескольких минут – на случай непредвиденных обстоятельств, поломок или аварий.

– Ну что ж, неплохо, – деловито кивнул Верхотуров. – Минус в том, что конвой следует без сопровождения, но в этом есть и свои плюсы. Приступаем к работе, товарищи. Задание ответственное, просьба отнестись со всей серьезностью. Не смею вас больше задерживать. Николай Дмитриевич, утвержденный маршрут мне на стол. Юрий Антонович, съездите в КБ «Куб», поговорите с Грушевским – что он думает о защищенности и перспективах использования нового изделия, имеется ли возможность после ряда доработок устанавливать его на другие носители? Павел Егорович, на вашей совести полный анализ сложившейся вокруг «Дроздов» ситуации. Что знают об этом наши коллеги из ЦРУ, МИ-6, СБУ, насколько они информированы и не собираются ли что-нибудь предпринять касательно написанной для «Дроздов» программы? Было бы неприятно, если наши западные партнеры получают возможность перехватывать ракеты с нашей новой начинкой. Слишком дорогое это удовольствие – не пирожки, однако, печем...

К концу рабочего дня над Белокаменной собрались тучи, небо потемнело, и пролился короткий, но звонкий дождь. Генерал-майор Суханов вышел из управления и, скорчив гримасу, поднял воротник плаща. Что поделать, суровый климат, суровая действительность. Впрочем, пока он закуривал, дождик прекратился, выглянуло солнце. Он вышел на парковку, недоуменно посмотрел на небо. Какая стремительность у погоды, право слово. Олег Александрович был сегодня в штатском – от этого легче дышалось, не было скованности в плечах. Он чувствовал себя человеком, а не солдафоном. Служебная машина уже ждала его на парковке. Водитель сидел за закрытыми дверьми, наслаждался музыкой. Словно почувствовал близость начальства, с готовностью распахнул дверь.

– Будь осторожнее, Сережа, – поморщился Суханов. – А то умрешь когда-нибудь от передозировки шансона.

– Не умру, Олег Александрович, – угодливо рассмеялся водитель. – Нельзя умирать, работать надо. Вы же знаете, у меня жена и трое детей.

– А хотелось бы наоборот, – подмигнул генерал. – Я знаю, Сережа.

– Домой, Олег Александрович? – Водитель выбрался из машины, чтобы открыть заднюю дверь. – Садитесь. Сейчас «ведерочко» синее на крышу приспособим, чтобы в пробках не стоять...

– Ты поезжай без меня, – посмотрев на часы, передумал генерал. – Погода разгулялась, пройтись хочу. Машину отгонишь в гараж и топай к жене и детям. Подышать мне надо, а то совсем заkis в кабинетах. Погуляю, на метро доеду. Завтра суббота – подъедешь к десяти утра.

– Уверены, Олег Александрович? – обрадовался водитель. И все же капелька досады мелькнула в глазах – мог бы сразу сказать, не торчал бы тут три часа. – На метро, говорите?

– На метро, Сережа, на метро. Как сказал бы классик, «вываляюсь в народе». Будь здоров, не кашляй. Ничего со мной не случится, не бойся, не такая уж я важная персона.

Воздух после дождя был свеж, приятен. Олег Александрович, помахивая портфелем, ничем не отличаясь от простых смертных, шел по тротуару, держась подальше от проезжей части. Свернул на Боровицкую, медленно двинулся вдоль витрин и рекламных щитов. Заглянул в швейцарскую сырную лавку, постоял с непокрытой головой у полупустых прилавков. Дело не в том, что безумно дорого, зарплата есть, и ладно, дело в том, что купить нечего. Ох уж эти антисанкции, от которых сами же и страдаем. Назовем это вехой исторического развития, будь она трижды неладна...

Оказавшись в узком переулке, спустился в маленький, уютный «Баварский погребок», в котором был если не завсегдатаем, то вполне узнаваемым клиентом. Большие компании сюда заходили редко, а с поднятием цен поток клиентов и вовсе сократился. В заведении было тихо, комфортно, посетители под ногами не путались. Одно из немногих заведений, где он чувствовал спокойствие на душе, где любил сидеть в одиночестве, предаваться мыслям. Для тех, кто ценил покой и уединение, имелось второе помещение за углом, где места у столиков были отгорожены – все чинно, приватно. Суханов направился в правый дальний угол к столику, вежливо поздоровавшись с пробегающим мимо официантом. Работник расплылся до ушей, заверил, что сей же час вернется. И действительно вернулся, положил меню, угодливо склонился. Генерал заказал кофе с коньяком – любимый напиток.

Когда официант принес заказ и удалился, он достал телефон и набрал номер. Данный канал связи прослушиваться не мог, линия была защищена на сто процентов. Если бы ловкий хакер взломал защиту, он обнаружил бы, что общаются абоненты не из России и Украины, а из Белоруссии и Казахстана. Номер в память не вводил, знал наизусть, а после разговоров всегда подчищал следы. Абонент был недоступен. Олег Александрович скрипнул зубами. Штатная ситуация, такова уж сотовая связь, а ему теперь нервничать и психовать!

Он сделал глоток из чашки и закрыл глаза. В памяти всплыл апрель 2014 года. Крым уже был «наш», в Донбассе начиналось бурление, но до боев со всеми видами вооружения еще не дошло. Запад возмущался «вероломными» действиями России, но санкции еще не ввел. Если вдуматься, веселая и интересная пора. Но Олегу Александровичу все смертельно надоело. Он разлюбил страну, разлюбил работу, не приносящую удовлетворения. Надоело пахать на царя-батюшку. В один прекрасный день он осознал, что хочет бросить все, семью, любовницу, забыть предыдущую жизнь, как страшный сон, купить дом где-нибудь на острове у океана, завести себе новую пассию, жить в удовольствие, ни в чем себе не отказывая! Странное дело – все его проблемы легко решить с помощью каких-то десяти-пятнадцати миллионов долларов... Искать желающих приобрести парочку государственных тайн не пришлось. На него вышли и назначили встречу в Бирюлево. Явившись по указанному адресу, он с изумлением узнал в собеседнике забытого знакомого: Бородко Григория Степановича. В начале двухтысячных этот господин приезжал из Киева в Москву – в отпуск. С ним были жена, Анна Тимофеевна, статная, красивая, с роскошной косой, и 16-летний сын, обучающийся в какой-то престижной киевской гимназии. Гостили у Сухановых на даче. Как выяснилось, их жены были двоюродными сестрами. А Григорий Степанович работал в СБУ. И что с того? Украина в начале двухтысячных была дружеским государством, спецслужбы не собачились. Русские и украинцы были братья навек! Олег Александрович не совершал ничего предосудительного, принимая гостей из «матери городов русских». Суханов трудился в Управлении военных сообщений, Бородко воевал с организованной украинской преступностью. Хорошо провели время – шашлыки, рыбалка, щедрые возлияния. Много откровенничали – Бородко ругал нелепое и «противное природе» украинское госу-

дарство, которое никогда не будет процветающим и по-настоящему независимым – в крови у хохлов под кого-нибудь лечь! Суханов тоже нелицеприятно отзывался о своей стране и работодателях. Возможно, даже чересчур нелицеприятно...

«Выпьем, Олег Александрович», – предложил потускневший, но еще подтянутый и сухопарый Бородко, впуская гостя в съемную бирюлевскую квартиру. И начал в лоб: он здесь инкогнито, отнюдь не из Петербурга, дослужился до полковника, работает в Иностранном отделе СБУ. Помнится, в прошлом Олег Александрович не очень лестно отзывался о своем родном государстве? Хочется верить, что эта нелюбовь сохранилась – и тогда их ожидает долгое, обоюдно приятное сотрудничество. Так не хочется копаться в компроматах, вскрывать какие-то старые диктофонные записи... «Знаешь, Григорий Степанович, засунь эти записи себе в задницу, – посоветовал Суханов. – И учти, если что, могу и в табло «засветить». Хочешь меня пугать – разговора не выйдет. Будешь по-доброму – поговорим. Моя работа стоит денег, и денег немалых. Будем дальше бухтеть?» Бородко немного смутился, попросил прощения. Понятно, что нищее СБУ не располагало средствами, чтобы удовлетворить запросы ценного информатора. Но Олег Александрович сразу сообразил, что вербуют не хохлы, а американцы. Это был совсем другой коленкор. Жизнь на лезвии бритвы, но открывались возможности. Стороны пришли к взаи-мовыгодному соглашению, на том и расстались. Через пару недель на счет Олега Александровича в одном из отделений банка в Домодедово легла симпатичная сумма...

С тех пор прошло почти полтора года. Связь с работодателями была надежная. Информацию он отправлял дозированной, чтобы не попасться. Всегда был рад помочь советом – за это тоже брал деньги. Он отправлял за кордон информацию об учениях российской армии вблизи украинских границ, подсказывал, где искать агентов, обосновавшихся в структурах СБУ и ВСУ. Денежный ручеек не пересыхал. Мечта о роскошном доме на далеком острове принимала осязаемые очертания, но до ее осуществления еще было как до Плутона!

Пришло СМС-сообщение: абонент доступен. Он снова позвонил. Полковник Бородко отозвался на втором гудке. Голос был подчеркнута безучастен, но в нотках равнодушия проглядывался интерес.

– Слушаю тебя, Олег Александрович, – сказал Бородко. – Ты позвонил сам – это интригует. Прости, что был недоступен – обычное состояние наших мобил. Если вокруг тебя все спокойно, можешь говорить без опаски. Эта линия – как тоннель под землей.

Генерал-майор в двух словах описал создавшуюся ситуацию. КБ «Куб», блоки программного управления для крылатых ракет «Вектор», конвой через полстраны, полигон «Южный»...

– Сочувствую, Григорий Степанович, – с некоторой толикой издевки добавил он, – но если блоки установят на ракеты, если немедленно не прекратить их производство, то у твоего натовского руководства есть прекрасная возможность проиграть не только холодную войну, но и теплую, и даже горячую. Это не ГЛОНАСС и не спутники системы «Восток», воздействовать на изделия с программой «Дрозд» американцы не смогут. С чем вас и поздравляю. Решайте.

Бородко размышлял не меньше минуты. Информация была горячее, ситуация для НАТО складывалась неприятная, полковник не мог это не понимать. Но как не повалить ваньку!

– Хорошо, я понял тебя, Олег Александрович, – произнес он, тщательно подбирая слова. – Мы подумаем, и завтра я перезвоню.

– Подумай, подумай, Григорий Степанович, – не удержался от сарказма Суханов. – В Вашингтоне уже утро, люди проснулись...

– Ладно, давай без издевки, – рассердился Бородко. – Сколько блоков будут отправлять на полигон?

– Десять.

– Дата транспортировки?

– Семнадцатое.

– Маршрут?

– Перебьешься, – засмеялся Суханов. – Согласись, в этом деле, как в женщине, должна быть какая-то загадка. Мы же не собираемся обманывать друг друга? И про состав конвоя, и про его слабые места, и где лучше всего организовать засаду и перегрузку – будет сообщено отдельно. Если будет. Предупреди своих хозяев, что информация не дешевая.

– Хорошо, предупрежу... Эх, Олег Александрович, – решил разрядить ситуацию Бородко, – и что ты все о деньгах да о деньгах? Не купишь ведь счастья на деньги.

– Счастья не куплю, – отрезал Суханов, – но уровень несчастья существенно уменьшу. И сразу хочу предупредить, Григорий Степанович, речь идет о долларах. Ни о рублях, ни о гривнах, упокой Господь их душу, а именно о долларах.

– За одного твердого десять нетвердых дают? – засмеялся Бородко. – Хотя уже, пожалуй, семьдесят. Откуда такое неверие в украинскую валюту, Олег Александрович? Не веришь, что поднимут ее всем миром? Хорошо, я понял тебя, – сменил он тон. – Завтра жди звонка. Твоя информация будет проанализирована.

Глава 4

Работать в субботу откровенно не хотелось. Даже головой. Григорий Степанович Бородко поднялся с кожаного дивана, размял кости, смерил взглядом большую картину в золотистой рамке, висящую на стене, на которой был изображен шторм на море, и, видимо, по замыслу тех, кто ее сюда повесил, это должно стимулировать рабочий процесс, а также поднимать эстетическое восприятие мира. Лично у полковника Бородко картина ассоциировалась только с морской болезнью. Он покосился в зеркало, обрамленное вычурными узорами. В свои пятьдесят с небольшим Григорий Степанович бодро держал марку. Спортивная фигура, ни капли жира, мужественные скулы, орлиный нос. Он нравился женщинам, его уважали коллеги по работе и даже заокеанские партнеры, традиционно видящие в украинских коллегах людей второго сорта, нужных лишь для того, чтобы напакостить России.

Он отошел от зеркала, вскинул руку с часами – 19.55. Практически выходной день закончился. Бородко находился один в огромной служебной квартире СБУ, расположенной в сталинском доме недалеко от Крещатика и Бессарабской площади. Четырехкомнатная квартира располагалась на третьем этаже пятиэтажной громады, все окна выходили во двор, заросший старыми каштанами. В квартире имелось все для безбедного существования, включая двухсекционный холодильник, забитый продуктами, и плоский телевизор в полстены. В одной из комнат, напичканной дорогим спецоборудованием, располагался командный пункт, остальные были жилыми – для отдыха. Пару минут полковник постоял у окна, разглядывал двор. Дом жил своей обыденной жизнью. Припарковался джип, вылезли молодые супруги, стали вынимать из багажника пакеты с продуктами и весьма эмоционально ругаться. Пенсионерка с авоськой вошла в подъезд, укоризненно покосилась на ругающуюся молодежь. К соседнему подъезду подошла фигуристая девушка – симпатичная, с волнистыми волосами. Ей навстречу бросился парень с букетом роз – видимо, подкарауливал. Полковник усмехнулся и отошел от окна. Вчера он позвонил своему куратору Ричарду Лэзерби, рассказал о беседе с Сухановым. Куратор не смог скрыть возбуждения. Это очень ценная информация, это реальный шанс отбросить в прошлое стремительно растущий потенциал российских воздушно-космических сил! Надо соглашаться. Деньги не проблема, но поторговаться стоит, бюджет у Пентагона не резиновый! Дашь однажды слабину – и этот жук окончательно сядет на шею! Припугните его чем-нибудь, напомните о компромате...

Компромат был, честно говоря, так себе. Мало ли что он ляпнул десять лет назад, а слив информации в последующие годы уже не докажешь. И не хотелось полковнику портить отношения с генералом российской армии. Полезный тип, а главное, перспективный. Он про Суханова знал все – то, что жаден, что умен, знал про любовницу Елизавету, имеющую коттедж под Москвой. Несчастливая женщина, втрескалась в этого «чмыря» по самые уши. Пусть хоть тем утешается, что его кормить и обстирывать не надо...

Вдруг в дверном замке повернулся ключ, и в квартиру, крадучись, вошел невысокий и незаметный капитан Парчук. На часах ровно восемь. Пунктуальность была одной из отличительных черт капитана.

– В следующий раз войдешь неслышно – прибью, – пообещал полковник, высовываясь из комнаты.

– Прошу прощения, Григорий Степанович, – извинился Парчук.

– Ладно, проходи, докладывай. Чаю хочешь?

– Хочу, Григорий Степанович, но сначала о деле.

Парчук прошел в комнату, уставленную оборудованием. Ее шутя называли «операционной». О чем говорят люди в этой комнате, подслушать было в принципе невозможно – если Григорий Степанович, конечно, не желал обратного. Парчук развалился в кресле, пере-

вел дыхание. Устал карабкаться на третий этаж? Порой Григорий Степанович ловил себя на мысли, что раздражается по поводам, которые решительно того не стоили. Он не стал присаживаться, подошел к окну, скрестил руки на груди.

– Похоже, Суханов не врет, Григорий Степанович, – вкрадчиво сообщил помощник. – Поступили данные разведки США, а также тактико-технические характеристики «Вектора» и «Дрозда».

– Слушаю тебя внимательно, – напрягся Бородко.

Никаких документов, папок, шпаргалок при капитане не было. Всю информацию он хранил в голове, обладающей колоссальным объемом долговременной и оперативной памяти.

– Крылатая ракета «Вектор» была сконструирована в ярославском КБ «Куб» полтора года назад, – начал «ликбез» Парчук. – По сути, это модернизированный «Калибр». Денег на эту штуку москали не пожалели, и штука получилась грозная. Ракета ЗМС-55 «Вектор» – крылатая ракета нового поколения наземного, морского и воздушного базирования. По характеристикам значительно превосходит предыдущие аналоги. Дальность – 5500 километров – против 2600 у ракеты ЗМ-14 «Калибр». Грубо говоря, из центра России она покрывает всю Европу, север Африки, Саудовскую Аравию, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Сирию, не говоря про Ирак с Афганистаном. Добьет и до Канады, если врезать через Северный полюс. Длина ракеты – семь метров. Пусковая установка помещается в грузовой контейнер и может перевозиться на автомобиле, железнодорожной платформе или, скажем, среднеразмерном судне. Скорость маршевая – 1,2, это в числах Маха, гм... Более понятным языком – 1430 километров в час.

– Ты бы не умничал, – проворчал полковник.

– Так точно, Григорий Степанович, – кивнул помощник. – Число Маха – это отношение скорости звука в той среде, где летит ракета, к самой скорости ракеты. Ну, принято так подсчитывать в аэродинамике. Скорость «Вектора» у цели – 3813 километров в час. Аналогичные данные у «Калибра» – восемьдесят процентов от озвученного. Высота полета над землей – от 50 до 150 метров, может уходить на высоту до 12 километров. Предыдущие модели – до 8. Над водой летит на высоте 20 метров. Высота при подлете к цели – 15–20 метров. Ракета невидима – поглощает сигналы радаров. Оснащена высотомером для огнивания рельефа местности. У американцев подобного изделия нет. Характеристики хвального «Томагавка» куда скромнее. «Вектор» может использоваться и как противокорабельная ракета, и как противолодочная, и для уничтожения наземных целей.

– Но вроде не страдали от этого наши американские товарищи, нет? – заметил Бородко.

– Не страдали, – согласился Парчук. – Все полтора года не страдали. Ущемлялось профессиональное самолюбие, но научились с этим жить. Дело в том, что до текущего времени управление ракетами «Вектор» осуществлялось по сигналам приемника системы спутниковой навигации ГЛОНАСС. При этом использовались спутники военного назначения «Восток». В НАСА нашли на них управу – научились воздействовать в космосе со своих спутников. То есть всегда могли отклонить траекторию ракеты, отключить боевую часть или вообще вывести ее из строя. Потому американцы и спали спокойно. А москали – нет. В итоге конструкторское бюро «Куб» и создало блок программного управления «Дрозд». Это мини-компьютер, в память которого вводятся параметры полета крылатой ракеты. Воздействовать на компьютер бесполезно. Во всяком случае, пройдут годы, прежде чем американцы научатся это делать. Блоки монтируются в ракеты под присмотром специалистов, проводится отладка оборудования, синхронизируются программы, и ракета готова к использованию – к полному ужасу наших американских и европейских коллег.

– Масса блоков?

– У россиян до сих пор своеобразные представления о мини-компьютерах, – улыбнулся Парчук. – Блок «Дрозд» по габаритам напоминает старый кассетный магнитофон, если понимаете, что я имею в виду. Такая штука имелась в каждой семье. «Весна», «Электроника», все такое... В самом КБ у янки агентов нет, там очень строгий режим секретности. Но данные худо-бедно собираются. Блоки действительно готовы. На ракетах они еще не испытывались. Это произойдет на полигоне «Южный» в Ростовской области. Транспортировка на полигон планируется 17 сентября. С какого предприятия будет вывозиться груз – неизвестно. Каким транспортом, каков состав конвоя – тоже неизвестно. Слабые места в охране, в используемом транспорте, который, безусловно, будет бронированным, как будет осуществляться слежение за конвоем – мы также не знаем. Маршрут движения конвоя – увы, не в курсе. Он разрабатывается не в КБ, а в Управлении специальных проектов Минобороны...

– Я знаю, – поморщился Бородко, – в том самом управлении, где трудится наш Суханов. Без его информации мы бессильны.

– Это не может быть подстава, Григорий Степанович? – поднял голову Парчук.

– Не думаю, – ответил полковник. – Блоки изготовлены, и первая партия ждет испытаний – это непреложный факт. «Спалить» Суханова не могли – мне бы доложили. Врать, чтобы на халяву срубить бабла, ему нет смысла – поймаем и уйдем. Проще работать честно. Не дурак же.

– И каковы наши действия?

Полковник уклонился от ответа, задумался. В 20.30 в дверь деликатно постучали, и в служебную квартиру вторглись еще двое. Они были в штатском, но лица и осанка свидетельствовали о принадлежности к офицерскому корпусу. Невысокого плотного мужчину с темными волосами и узко посаженными глазами звали Остап Николаевич Сердюк, он был заместителем Бородко, имел звание подполковника и являлся непосредственным куратором диверсионной группы «Оцелот», созданной четыре месяца назад для выполнения особо важных заданий. Второй был выше, обладал располагающим лицом и обманчиво добрыми глазами. Командир той самой группы «Оцелот» майор Гальский Виктор Михайлович, опытный офицер, почти волшебник в своем деле, безжалостный к врагам, изворотливый, изобретательный. Не привыкший вникать в моральные аспекты во время выполнения работы. Возможно, порой своенравный, иногда вспыльчивый, но в целом не допускающий вольностей и отклонений от дисциплины. Несколько дней назад его группа славно поработала – майор лично выследил сбежавшего ренегата Крячковского и примерно наказал. Имелась информация, что в момент расправы погибла уйма постороннего народа, включая женщину-врача, но такие мелочи не волновали никого – ни Бородко, ни Гальского. Цель оправдывает средства. Вред от воссоединения Крячковского с его московскими хозяевами был бы колоссален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.